

0- 785889

На правах рукописи

Федяева Наталья Дмитриевна

**СЕМАНТИКА НОРМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ, КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ,
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Барнаул – 2010

Диссертация выполнена на кафедре русского языка
государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Омский государственный педагогический университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Лариса Олеговна Бутакова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Николай Федорович Алефиренко
(ГОУ ВПО «Белгородский государственный
университет»);

доктор филологических наук, профессор
Татьяна Александровна Гридина
(ГОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет»);

доктор филологических наук, профессор
Татьяна Владимировна Чернышова
(ГОУ ВПО «Алтайский государственный
университет»)

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Московский государственный
областной университет»

Защита состоится 16 ноября 2010 г. в 10:00 часов на заседании
диссертационного совета ДМ 212.005.01 по защите диссертаций на со-
искание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО
«Алтайский государственный университет» по адресу: 656049, г. Бар-
наул, ул. Димитрова, 66.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет».

Автореферат разослан «___» октября 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

 Н. В. Панченко

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000581312

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа, развивающая традиции семантического подхода к норме, выполнена в рамках парадигмы «человек – система – норма».

Центральное понятие исследования – понятие *норма* – толкуется в научной традиции, в том числе лингвистической, крайне противоречиво. Так, с одной стороны, в рамках культурно-речевого подхода (Р. И. Аванесов, Г. О. Винокур, Б. Гавранек, Б. Н. Головин, К. С. Горбачевич, А. Едличка, С. И. Ожегов, Н. Н. Семенюк, Л. И. Скворцов, Б. С. Шварцкопф, Е. Н. Ширяев; см. также сборники из серии «Вопросы культуры речи» (выпуски 1–8 (1957–1965), выпуск 9 (2007)), исследуются нормы-правила – наиболее пригодные, правильные и предпочитаемые для обслуживания общества средства. Примыкают к культурно-речевому подходу исследования, направленные на установление соотношения «система – норма» (Л. Ельмслев, Э. Косериу, А. А. Леонтьев и др.). Норма в этой оппозиции представляет собой совокупность реализованных возможностей языковой системы, причем конфликт системы и нормы относится к числу факторов развития языка. Для современных исследований, оперирующих дихотомией «система – норма» (Э. Г. Куликова, Г. Г. Хазагеров), характерно сближение лингвистики и синергетики и, как следствие, понимание нормы как механизма, стабилизирующего систему.

С другой стороны, *норма* понимается как отправная точка, стандарт, середина и т. п. – такой подход реализован в семантических исследованиях при описании значений как отдельных слов и разрядов слов, так и семантических категорий (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Л. А. Беловольская, Ю. Л. Воротников, Г. И. Кустова, Е. А. Поцелуевский, Е. В. Урысон, А. Н. Шрамм и др.). Так, норма рассматривается как один из компонентов, формирующих категории градуальности (Ю. Л. Воротников, С. М. Колесникова, Н. Д. Федяева, Н. В. Халина), интенсивности (Е. В. Бельская, Г. П. Леонтьева, И. И. Туранский и др.), оценки (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Л. А. Сергеева, Т. В. Маркелова и др.). Обобщение характеристик позволяет утверждать, что в рамках семантического подхода норма понимается как коллективно-субъективное представление о признаковых характеристиках стереотипа оцениваемого объекта, с которым соотносится реальный признак воспринимаемого предмета.

Обращаясь к одному и тому же понятию в рамках культурно-речевых и семантических исследований, ученые практически не дают ответов на вопросы о соотношении норм-правил и норм-стандартов.

В реферируемом диссертационном исследовании обосновывается сходство нормы-правила и нормы-середины, делающее возможным синтез названных подходов.

Предельно общим, исходным является для диссертации понимание нормы как такой характеристики объекта, которая осознается человеком как правильная, обычная и наиболее распространенная. При этом феномен определенной таким образом нормы рассматривается на нескольких уровнях, что требует использования частных терминов-понятий, конкретизирующих аспекты рассмотрения. Среди них:

- *онтологическая (понятийная) категория нормы*, отражающая представления человека об этой (правильной, обычной, распространенной) характеристике и занимающая определенное место среди онтологических категорий;

- *семантическая категория нормы*, представляющая языковую интерпретацию соответствующей онтологической категории и отражающая значения «соответствие/несоответствие норме» в лексико-семантических и грамматических категориях русского языка;

- *представления о норме* – знания, мнения носителей русского языка о норме и отклонениях от нее;

- *нормативные представления* – знания, мнения носителей русского языка о нормальных (типичных, обычных, правильных, массовых) проявлениях того или иного объекта.

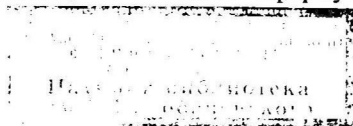
Соответственно этим исходным понятиям выделяются аспекты рассмотрения нормы:

- *функциональный* аспект, предполагающий исследование комплекса функций, выполняемых нормой;

- *категориальный* аспект, заключающийся в последовательном описании онтологической (понятийной) и семантической категории нормы, которая входит в систему семантических категорий русского языка;

- *лингвокультурологический* аспект, подразумевающий описание национально-специфических представлений о норме и нормативных представлений носителей русского языка.

Определенные таким образом аспекты рассмотрения нормы обуславливают **актуальность** диссертационной работы, которая находится в русле активно разрабатываемых лингвистических направлений. Гипотеза о существовании семантической категории нормы вписывает исследование в контекст *лингвистики категорий*. Стремление описать национально-специфическое содержание нормативных представлений и представлений о норме предопределяет обращение к вопросам *лингвокультурологии*, что позволяет сформулировать особен-

ности нормы в аспекте русской языковой картины мира. Наконец, идея о выполняемом нормой комплексе функций требует обращения к таким лингвистическим направлениям, как *когнитивная лингвистика* (норма играет особую роль в когнитивных процессах) и *прагматика*, в рамках которой определяются функции нормы в процессе коммуникации.

Объектом исследования являются языковые и речевые репрезентации представлений о норме и нормативных представлений носителей русского языка.

Предмет исследования – функциональный, категориальный и лингвокультурологический аспекты семантики нормы, включающей представления о норме и нормативные представления носителей русского языка.

Целью диссертации является разработка и апробация на материале русского языка многоаспектной семантической концепции, включающей определение функционального потенциала, категориального статуса и национально-культурной специфики нормы.

Поставленная цель определила решение следующих конкретных задач:

- 1) выявить с опорой на гуманитарную научную традицию существенные характеристики нормы и комплекс функций, выполняемых нормой;
- 2) сопоставить понятия *социальная языковая норма* и *когнитивная языковая норма* на основе общности выполняемых функций и определить специфику каждой из норм;
- 3) описать содержание представлений о норме носителей русского языка;
- 4) установить роль нормативных представлений в процессах речи/мысли;
- 5) исследовать семантическую категорию нормы;
- 6) обосновать пресуппозитивный (фоновый) характер нормы и определить специфику взаимодействия нормы и аномалий в сфере действия языковых норм;
- 7) описать норму как культурно-значимое и национально-и культурно-специфическое явление.

Основная **гипотеза** предпринятого исследования заключается в следующем: семантика нормы, репрезентирующая представления носителей русского языка о норме и их нормативные представления о мире, является для русского языка функционально-значимой (как на системно-категориальном уровне, так и на уровне реализации системы) и культурно-специфической.

Эмпирический материал имеет различные источники, что определяется исследовательскими задачами, при этом в работе с материалом последовательно реализуется принцип комплементарности, позволяющий получить достоверные результаты.

Лексикографический материал привлекается для исследования представленности нормы в лексической системе русского языка; для обоснования статуса нормы как семантической категории русского языка, которое предполагает привлечение единиц различных ярусов языковой системы; для выявления представлений носителей русского языка о норме.

Текстовый материал используется при лингвокультурологическом описании образа нормального человека, которое осуществлялось на основе высказываний о нормальном (а также обычном, типичном, среднем, идеальном, законопослушном) человеке. Источниками служат высказывания, извлеченные из написанных на русском языке художественных и публицистических текстов XIX–XXI веков.

Результаты экспериментов в основном используются как дополнительный источник сведений, позволяющий уточнить наблюдения, полученные при анализе другого материала.

Методы исследования включают комбинирование общенаучных методов дедукции и индукции, методов классификации, систематизации, моделирования и интроспекции при анализе эмпирического материала и разработке положений теоретической концепции. В исследовании использовались частные методики и приемы: концептуального анализа, компонентного анализа, полевого структурирования, семантико-синтаксического моделирования. Подтверждение достоверности и уточнение результатов осуществлялось путем применения методики лингвистического эксперимента. Интегративность исследования обеспечивается привлечением сведений, предоставляемых нелингвистическими науками: философией, социологией, культурологией, психологией.

Научная новизна исследования в первую очередь заключается в выборе объекта исследования и создании многоаспектной семантической концепции нормы. Наряду с этим, научная новизна диссертации обусловлена тем, что в ней: осуществляется комплексное описание языковых норм как норм социальных; определяется место и статус нормы в системе онтологических и языковых категорий; на основе общности функций сопоставляются социальные и когнитивные нормы; обосновывается фоновый характер нормы и специфика взаимодействия нормы и аномалий; вводится проблема статуса категории нормы как семантической категории и рассматривается ее решение на приме-

ре описания специфики и системного характера репрезентации нормативных представлений; предлагается методология последовательного описания семантики нормы, репрезентирующей представления наивных носителей русского языка о норме и их нормативные представления; обосновывается статус нормы как культурно-значимого явления русской лингвокультуры; на широком языковом/речевом материале моделируется образ нормального человека в русской языковой картине мира.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии семантического направления лингвистической науки. Осуществляемое в диссертации исследование является вкладом в *междисциплинарную теорию нормы* (на основе анализа научной традиции создается модель описания нормы вообще и языковой нормы в частности; сопоставляются научные описания и наивные представления о норме, что уточняет представления о сходстве/различии научной и обыденной картин мира; через рассмотрение норм языка в общей системе норм намечаются новые возможности анализа фактов языка/речи в социокультурном аспекте), в *лингвистику категорий* (обосновывается выделение семантической категории нормы; определяется ее место в системе семантических категорий русского языка; осуществляется описание значений, составляющих содержательную сторону категории, и разнородных средств их выражения); в *прагматику* (норма рассматривается как пресуппозитивный фактор коммуникации, необходимый для протекания процесса категоризации и процесса актуального именования, отражающего результаты категоризации); в *лингвокультурологию* (исследуются культурно-значимые и культурно-специфические характеристики нормы; в свете общей концепции нормы рассматриваются традиционно выделяемые нормы речевого этикета и жанровые нормы; обосновываются методологические принципы моделирования образа нормального человека; предлагаются две модели образа – родовая и видовая).

Практическая ценность исследования заключается в использовании его результатов и положений в разработке теоретических курсов и спецкурсов по теории языка, лексической семантике русского языка, при создании учебно-методических пособий для студентов и аспирантов лингвистических специальностей. Результаты настоящего исследования способствуют дальнейшему исследованию общих и частных проблем семантики, прагматики, лингвистики категорий и лингвокультурологии.

Методологической и теоретической базой данного исследования послужили положения ряда научных направлений:

– социологии, культурологии, философии, психологии, рассматривающих экстралингвистический феномен нормы (В. Л. Абушенко, А. Агацци, Р. Арон, Г. В. Ф. Гегель, Э. Дюркгейм, В. Е. Кемеров, Ю. М. Лотман, Р. Мертон, Д. В. Пивоваров и др.);

– когнитивной лингвистики, ведущей изучение языковой категоризации мира (А. Вежбицкая, В. З. Демьянков, М. Джонсон, В. Б. Касевич, А. А. Кибрик, А. В. Кравченко, А. А. Кретов, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. В. Лангакер, Э. Рош, А. Г. Сонин и др.);

– семантики, осуществляющей исследование значений единиц языка/речи (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, И. М. Богуславский, Е. М. Вольф, М. А. Кронгауз, Е. С. Кубрякова, Т. М. Николаева, В. З. Санников, Е. В. Урысон, А. А. Уфимцева, А. Н. Шрамм и др.);

– категориальной лингвистики, моделирующей систему категорий русского языка (Л. А. Беловольская, А. В. Бондарко, Ю. Л. Воротников, Т. В. Маркелова, Н. А. Нефедова, Т. И. Стексова, И. И. Туранский и др.);

– лингвокультурологии, ориентированной на моделирование особенностей национальной картины мира (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Вежбицкая, В. В. Красных, Л. Б. Никитина, М. П. Одинцова, В. Н. Телия, А. Д. Шмелев и др.).

Наиболее существенные результаты исследования сформулированы в основных **положениях, выносимых на защиту.**

1. Методологическими принципами исследования нормы являются: а) тезис о функциональном изоморфизме социальных и когнитивных языковых норм, позволяющий вести изучение нормы как функционального феномена; б) тезис о значимости бинарного противопоставления «норма – не-норма», задающий основы моделирования семантической категории нормы, описания типов речевой культуры и т. п.; в) тезис о норме как об одном из ведущих критериев освоения и оценки человеком действительности.

2. Семантическая концепция нормы – комплексное лингвистическое описание, представляющее на русскоязычном материале разнородную природу феномена и объединяющее функциональный (учитывающий роль семантики нормы в языке и речи), семасиологический (подразумевающий описание содержания представлений носителей русского языка о норме и их нормативных представлений), категориальный (предполагающий определение категориального статуса нормы) и лингвокультурологический (требующий обращения к национальной специфике семантики нормы) аспекты. Построенное таким образом описание сочетает универсальный компонент, обусловленный универ-

сальностью исследуемого феномена, и национально-культурный, связанный со спецификой русского языка и русской культуры.

3. Норма как функциональный феномен речевой деятельности представляет собой единый комплекс функций, включающий регулятивную, унифицирующую, оценочную, стабилизирующую, селективную, при явном доминировании регулятивной функции.

4. Когнитивный характер нормы реализуется в нормативных представлениях носителей языка как результатах обыденной интерпретации мира социумом, влияющих на категоризацию действительности и получающих то или иное выражение в языковых единицах. Нормативные представления носителей языка – это представления о нормальном (= правильном и обычном) проявлении объекта, инвариантные, эталонные образы объекта, ситуации, воплощенные в языковых значениях.

5. Нормативные представления носителей языка о том или ином объекте действительности – условия категоризации нового. На этапе формирования категории норма обуславливает совокупность смыслов, входящих в одну и ту же категорию, их иерархию, способствует включению/исключению нового объекта в категорию. На этапе речевой реализации в ходе формирования высказывания норма обуславливает процесс актуального именования и действие разных когнитивных операций: выбранное слово указывает на результаты категоризации, завершение последней определено наличием у носителей языка нормативных представлений о классе объектов.

6. Нормативные представления имеют пресуппозитивный, фоновый, характер. Полученные в ходе познавательных контактов с миром знания о его нормальном устройстве в результате интериоризации переходят на неосознаваемый уровень, но присутствуют в каждом акте восприятия мира, результаты которого обусловлены нормой.

7. Компонентом системы семантических категорий русского языка является семантическая категория нормы. Семантическая категория нормы является качественно-количественной категорией, структура которой задана оппозицией «соответствует норме – не соответствует норме», реализующейся в частных значениях (как эксплицитно, так и имплицитно) на всех ярусах русского языка. Языковая единица, вовлеченная в поле категории нормы, так или иначе обозначает совпадение/несовпадение признаков воспринимаемых объектов с нормативными представлениями, существующими в сознании носителей русского языка.

8. Представления о норме и нормативные представления о мире являются культурно-значимыми и культурно-специфическими. Одним

из образов русской языковой картины мира является образ нормально-го человека, имеющий видовой и родовой статусы и объединяющий частные образы: человека обычного, среднего, типичного, идеального, законопослушного.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы обсуждались на заседаниях кафедр русского языка Омского государственного университета и Омского государственного педагогического университета (2007–2009 годы), излагались автором в докладах и выступлениях на международных научных конференциях (Москва, 2008; Челябинск, 2008; Омск, 2009; Курск, 2009; Караганда, 2009), на всероссийских научных конференциях (Омск, 2007–2009; Пенза, 2008; Биробиджан, 2009).

По теме исследования опубликованы 36 работ общим объемом 35,25 п. л., в том числе две монографии (17,8 п. л.), глава в коллективной монографии и статьи в журналах, рекомендованных ВАК для публикации результатов докторских диссертаций.

Структура работы определяется спецификой поставленных задач. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка, включающего 364 источника, и шести приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы и проблематики диссертационной работы, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, раскрывается его теоретическая и практическая значимость, аргументируется научная новизна, указываются методы исследования.

В главе I «**Теоретические основы исследования нормы**» на основе анализа гуманитарной научной традиции формулируются основные теоретические посылы, развитие которых осуществляется в соответствующих разделах работы.

Одной из задач этой части диссертации является определение сущности нормы как онтологической категории. Исходя из установки, в соответствии с которой специфика нормы обусловлена ее взаимодействием с другими категориями, прежде всего с категорией меры, правомерно сформулировать содержание онтологической категории нормы следующим образом: это социально обусловленная мера, задающая пределы качества и сохраняющая его себестождественность,

отражающая родовую сущность множества объектов, имеющая пространственную и временную характеристики.

Сопоставление понятий, объединенных родовым понятием нормы, делает очевидными сложность и многоаспектность феномена, его внутреннюю динамичность, заключающуюся во взаимодействии полюсов, всеохватность нормы, ее статус системы координат, на которой могут быть расположены различные объекты. Одной из значимых характеристик нормы является ее рациональный по природе и регулятивный по функции характер: к норме относятся выработанные в результате познавательной деятельности различные формы регуляции, программирования поведения и восприятия/оценки человеком мира. Содержание и оценочный потенциал значений, образующих поле, таковы, что полицентрическое и многокомпонентное поле нормы оказывается «работающим» практически во всех ситуациях взаимодействия человека с миром: осмыслить в аспекте нормы можно мир в целом, различные его объекты, в том числе человека.

Все виды норм выполняют общий комплекс функций, основными из которых являются регулятивная, унифицирующая, селективная и стабилизирующая. *Регулятивная* функция реализуется благодаря тому, что норма имеет возможности предписывать человеку определенный способ действий, особенности поведения и проч. *Унифицирующая* функция базируется на том, что норма представляет собой результат обобщения всего многообразия явлений, ситуаций и др., иными словами, представляет собой результат сведения многочисленных вариантов к инварианту. *Селективная* функция заключается в том, что приведение к инварианту сопровождается выбором одного из вариантов, который впоследствии оценивается как в наибольшей степени соответствующий норме, а потому наиболее ценный, пригодный, одобряемый и проч. *Стабилизирующая* функция опирается на консерватизм, традиционный характер нормы, которая в течение длительного времени препятствует изменениям и тем самым поддерживает постоянство системы.

Как и для других гуманитарных наук, для лингвистики характерно использование термина *норма* применительно к широкому кругу явлений. Наиболее отчетливо противопоставлено два способа употребления. Во-первых, норма изучается в рамках культурно-речевого подхода; во-вторых, это понятие востребовано в семантических исследованиях. Понимание нормы в каждом из подходов имеет свою специфику, в связи с чем целесообразно найти такое терминологическое решение, которое позволило бы и указать на общность явлений, в частности на общность функций, и противопоставить их друг другу.

Нормы, исследуемые в рамках культурно-речевого подхода, можно было бы назвать социальными языковыми нормами, подчеркнув определением *социальный* их изоморфность другим социальным нормам. Нормы, к которым обращаются в семантических исследованиях, можно квалифицировать как когнитивные языковые нормы, определение *когнитивный* акцентирует внимание на том, что эти нормы – результат осмысления, познания мира.

Представляется, что для социальных и когнитивных языковых норм характерен тот комплекс функций, который характерен для норм вообще.

Регулятивная функция рекомендует носителю языка, что и как ему следует сказать. Говоря о когнитивных нормах, такой регулирующей силой можно назвать семантику языка: «языковое сознание поворачивает отражательный процесс языковых элементов в сторону управления поведением»¹, а критерием нормативности – соответствие выбранной единицы обозначаемому, знаниям о нем. В случае с социальными языковыми нормами регулирующим фактором являются культурные традиции употребления языка: ортологическая, стилистическая, жанровая и т. п.

Обратной стороной регулятивной функции является функция *оценочная*: метаязыковая рефлексия носителя языка позволяет ему оценить любое свое или чужое высказывание как нормативное или ненормативное и в когнитивном, и в социальном аспекте.

Унифицирующая функция когнитивных норм реализуется через сведение многообразия вариантов к наивной категории-инварианту, к которой могут быть отнесены объекты, не только обладающие сходством, но и различающиеся. В языке категориальный инвариант закреплён в значении языковой единицы, позволяющем использовать ее для обозначения широкого круга объектов. Категоризация действительности отражает познавательный опыт как отдельного носителя языка, так и всей лингвокультурной общности, а также человечества в целом. Унифицирующая функция социальных языковых норм проявляется в сведении многообразия способов употребления языковой единицы к одному эталонному варианту.

Селективная функция когнитивных языковых норм заключается в том, что выбор основывается на соответствии языковой единицы внеязыковой ситуации, а также познавательному опыту членов коммуникации и этнокультурной общности в целом. Социальные языковые нормы закрепляют один из вариантов как социально одобряемый.

---

¹ Ейгер, Г. В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков: Основа, 1990. С. 25

Стабилизирующая функция проявляется в том, что языковые нормы поддерживают равновесие системы языка, характер которого, по Э. Косериу, таков: это, с одной стороны, «внутреннее равновесие между комбинаторными и дистрибутивными вариантами и между различными системными изофункциональными средствами, а с другой – внешнее (социальное и территориальное) равновесие между различными реализациями, допускаемыми системой»¹.

Социальные языковые нормы – это традиционно понимаемые нормы литературного языка, являющиеся по природе одной из разновидностей социальных норм. Как и другие социальные нормы, нормы языковые: 1) имеют своим источником традицию; 2) порождают систему запретов; 3) регулируют деятельность человека; 4) конкретизируются в понятиях правила, предписания, порядка, образца; 5) социально и семиотически закрепляются в культуре, причем в процессе становления и развития нормы происходит смена таких этапов, как хабиитуализация (установление привычки) и кодификация (семиотическое закрепление нормы); 6) развиваются в связи с историей принявшего их социума; 7) могут стать отклонением от нормы; 8) имеют в своей структуре такие компоненты, как императив и диспозиция, соотношение которых определяет жесткость нормы; 9) находятся в сложных отношениях с аномалиями; 10) обеспечиваются санкциями и процедурами контроля; 11) характеризуют поведение человека.

Когнитивные языковые нормы – это отображенные в семантике языка представления о нормальных (= обычных, правильных, распространенных) проявлениях тех или иных объектов.

Исследование когнитивных языковых норм требует обращения к понятию *представление* и введения понятия *нормативные представления*.

Представления – это национально- и культурно-специфические знания, мнения, образы и проч., являющиеся результатом освоения материальных и идеальных объектов и основой для категоризации новой информации.

Среди базовых представлений человека о мире следует назвать *представления нормативные*, являющиеся результатом освоения, осмысления человеком действительности, сводящие бесконечное разнообразие объектов к многообразию классов, вычлещающие типичные и нетипичные признаки последних. Содержание нормативных представлений – нормальная и, следовательно, правильная и обычная с точки зрения члена социума реализация объекта действительности.

---

¹ Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история. М.: Прогресс, 1963. С. 174.

На уровне мышления норма является условием формирования наивной категории. Без представлений о норме невозможно протекание процесса категоризации. Отнести к категории – значит абстрагироваться от различного и выявить общее. Прототип категории, границы которой очерчены нормой, является эталонным вариантом, в наибольшей степени соответствующим представлениям о норме для данного фрагмента действительности. Нормативные представления, иными словами, имеют прототипический эффект, формируя/отражая в сознании носителей языка ядерный по сути и массовый по распространенности образ объекта. В своих границах категория представляет собой пространство нормы, при этом значительная удаленность от центра-прототипа означает повышение оригинальности, специфичности. Таким образом, норма во многом направляет категоризацию и задает иерархию элементов категории. Норма может быть охарактеризована как унифицирующее и регулирующее условие формирования категории.

Когнитивные языковые нормы: 1) унифицируя, задают совокупность значений, входящих в одну и ту же категорию, их иерархию; 2) стабилизируя, поддерживают инвариантность категории; 3) регулируя, рекомендуют выбор той номинативной единицы, которая соответствует нормативным представлениям об объекте; 4) маркируя одну из единиц как адекватную нормативным представлениям, предоставляя участникам общения возможность оценить успешность выбора.

Исходными для выявления сущности когнитивных языковых норм являются следующие предположения:

1. Компоненты структуры понятия могут быть осмыслены как результат формирования нормативных представлений носителя языка о том или ином объекте действительности.

2. Существование нормативных представлений может быть рассмотрено как одно из условий формирования лексического значения слова.

3. Лексические значения довольно большого числа слов таковы, что их описание требует обращения к нормативным представлениям носителей языка.

Взаимообратимость когнитивной нормы и не-нормы и градуированность пространства между ними связаны с особенностями устройства наивных категорий, для которых характерны диффузность границ и различная степень близости к ядру. Иными словами, в категорию входят объекты, которые в большей или меньшей степени соответствуют нормативным представлениям об эталонном члене категории. Следствием же градуированности когнитивных норм является тот диапазон возможностей, который предоставляется говорящему при выборе номинативной единицы.

Итак:

- содержание когнитивных языковых норм составляют отображенные в семантике языка представления о типичных проявлениях тех или иных объектов;

- когнитивные языковые нормы выполняют традиционный для норм комплекс взаимосвязанных унифицирующей, регулятивной, стабилизирующей и селективной функций;

- значение когнитивных норм для семантики определяется их ролью в процессе категоризации и обусловленной этим ролью в процессах формирования понятия и лексического значения;

- основная сфера функционирования когнитивных языковых норм – процесс актуального именования, в ходе которого осуществляется соотнесение признаков воспринимаемого объекта и нормативных представлений о классе объектов, результатом чего является выбор номинативной единицы.

Цель главы II «**Наивные представления носителей русского языка о норме в эксплицитной и имплицитной семантике единиц языка и речи**» – выявить специфику тех представлений о норме, которые реализуются в лексических значениях единиц русского языка и в содержании высказываний. Основные теоретические посылки этой части исследования терминологически оформлены следующим образом.

В *представлениях* запечатлены результаты обыденной интерпретации мира социумом, которые влияют на процессы когнитивного освоения действительности, категоризации нового. Отражая знания, мнения, ценности, представления получают то или иное выражение в языковых единицах.

Наивные представления носителей русского языка о норме, характерные для русской языковой картины мира, могут быть извлечены посредством применения специальных методов и методик из лексических значений единиц русского языка и уточнены на основе анализа фактов речи.

Различия между понятиями, обозначенными терминами-словосочетаниями *представления о норме* и *нормативные представления*, нам видятся следующим образом. Представления о норме, как научные, так и обыденные, включают знания и мнения о самой норме и ее многочисленных разновидностях – стандартах, шаблонах, идеалах и проч. Носители языка обладают также нормативными представлениями практически о любом классе объектов, ситуаций, явлений, по поводу которых в социуме и/или в индивидуальной системе взглядов человека имеется устойчивое мнение. Из сказанного следует, что нор-

мативные представления – это представления о норме для различных классов объектов, это обыденные (наивные) представления, сформировавшиеся в результате познавательных контактов с действительностью. Понятие *нормативные представления* шире по объему, так как охватывает все многообразие осмысленных человеком объектов. Представления о норме составляют лексические значения слов и поэтому очевидны, а нормативные представления участвуют в формировании лексических значений и практически не осознаются. Это обстоятельство обуславливает последовательность этапов нашего анализа: *от осознаваемых, закрепленных в лексикографической традиции представлений о норме к неочевидным нормативным представлениям*.

Исследование представленности нормы в лексической системе русского языка базируется на данных лексикографических источников (на данных словаря С. И. Ожегова, а также на данных толковых словарей В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, Л. Г. Бабенко, МАС; словарей синонимов и антонимов, словообразовательного словаря А. Н. Тихонова). Перечень слов, используемых в русском языке для обозначения соответствия/несоответствия норме, формировался в несколько этапов. На первом в него были включены слова с корнем *норм-* (в гнезде 36 единиц), на втором – их синонимы и антонимы, на третьем – слова с лексикографически закрепленной (отраженной в словарной дефиниции) семой «норма» (существительные, прилагательные, глаголы в соотношении 40/30/30). Следует отметить принципиальную незавершенность перечня. Так, на четвертом этапе в результате применения предложенной в работе методики выявления семантических формул нормы в список могут быть включены слова, в значении которых «работает» та или иная формула. На пятом этапе в соответствии с обоснованной в работе позицией, согласно которой представления о норме играют важную роль при формировании лексических значений некоторых групп слов, в перечень может быть включена большая часть знаменательных слов русского языка (например, так называемая таксономическая лексика).

На основе анализа лексем *норма* и *нормальный* может быть предложена модель семантики, характеризующая национально-специфическое видение нормы носителями русского языка и включающая разноплановые интерпретации нормы, которые свойственны русской языковой картине мира. Норма – это:

- стандарт, объективное стандартизирующее начало;
образец – стандарт, ориентир при сравнении;
правило – узаконненное установление;
обычай – сложившийся принятый и одобряемый обществом способ действий, образ жизни;

ожидаемое – типичное развитие ситуации, которое человек может предсказать, опираясь на свои знания о мире;

- количественный критерий:

мера – граница, предел, в которых в полной мере проявляются особенности объекта, признака, действия и др.;

средняя величина – типичное количество, необходимое для того, чтобы в полной мере реализовать свойства, функции и проч.;

- идеал:

хорошее – такой признак, который положительно характеризует носителя, несоответствие которому оценивается негативно;

адекватное – проявление, в полной мере соответствующее ситуации, уместное;

здоровье – состояние организма, при котором он функционирует без каких-либо отклонений.

Обращение к словам с лексикографически закрепленной семой «норма» позволяет сформировать перечень семантических формул нормы, посредством которых упрощенно может быть описана суть нормативного представления. Введение семантических формул, фиксирующих своеобразный «атом смысла» (Й. Уилкс), позволяет существенно расширить границы исследования, так как мотивирует выход за пределы немногочисленных словообразовательных гнезд, синонимических и антонимических рядов.

Слова с лексикографически закрепленной семой «норма» могут быть объединены в группы в зависимости от семантической формулы нормы.

1. Семантическая формула «норма – “правило, требование”»: норма – установление, правило, то, как должно быть.

2. Семантическая формула «норма – “заведенный порядок, обычное, привычное состояние”»: норма – то, как обычно бывает.

3. Семантическая формула «норма – “необходимое, должное количество”»: норма – столько, сколько должно быть и сколько нужно.

4. Семантическая формула «норма – “здоровье”».

Выявленные семантические формулы связаны между собой. Так, императивная составляющая очевидна при толковании нормы как заведенного порядка и должного количества. Идея естественности, привычности характерна для толкования нормы как обычного состояния и здоровья, налаженной работы системы.

Рассмотрение лексических значений в контексте нормативных представлений осуществляется через обоснование фонового (пресуппозитивного) характера последних.

Если нормативные представления – это знания и мнения о типичных реализациях тех или иных явлений, являющиеся одним из условий успешной категоризации, то их логично отнести к фоновым знаниям, но не в лингвострановедческом, а в когнитивном аспекте. В этом случае фоновые знания рассматриваются как знания о мире, необходимые для понимания высказывания и частично для понимания значений слов, а также как знания, определяющие понимание, довлеющие над субъектом. Правомерным кажется предположение о том, что *составной частью фоновых знаний являются знания типического, обычного, нормального, иными словами, фоновые знания нормы*. Логично предположить также, что статус фоновых знаний может быть присвоен как представлениям о норме, так и нормативным представлениям носителей языка о различных классах объектов. Думается, можно утверждать, что если содержание представлений о норме и нормативных представлений национально- и культурно-специфично, то само их наличие и участие в процессах познания мира универсально.

Лексическое значение, представляющее интериоризированный эталон объекта, может быть рассмотрено как результат сложившихся в социуме нормативных представлений об объекте. В связи с этим можно, по-видимому, утверждать, используя формулировку А. В. Бондарко, что в широком смысле *нормативные представления являются фундаментальной когнитивной системой, находящей конкретную реализацию практически в каждом акте речи*¹.

Итак, тезис о пресуппозитивном характере нормативных представлений может быть уточнен в виде следующих утверждений:

- нормативные представления являются составляющей фоновых знаний, общей для говорящих на одном языке;
- скрытое присутствие в лексическом значении делает нормативные представления важным, но при этом несознаваемым элементом содержания практически любого высказывания.

Сказанное определяет ту эмпирическую базу, которую необходимо привлечь для доказательства тезиса. Это, во-первых, высказывания, эксплицирующие результаты метаречевой рефлексии говорящего/ слушающего, то есть раскрывающие подоплеку номинативных процессов, а во-вторых, слова, для понимания значения которых особенно важны нормативные представления об объекте.

Роль нормативных представлений в процессе актуального именования заключается в следующем: *выбор номинативной единицы обусловлен нормативными представлениями об обозначаемом объ-*

---

¹ Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: Изд-во ЛКИ. 2007. С. 65.

екте. Если объект соответствует нормативным представлениям о классе, то выбранная номинация не вызывает сомнений. И наоборот, ощущение несоответствия норме, манифестируемой той или иной лексической единицей, заставляет искать новое слово. Подобная ситуация обозначается рядом конструкций, отличающихся друг от друга степенью уверенности говорящего в неправильности выбора слова, например:

- *Это не X* (= существуют нормативные представления о X, которым не соответствует номинируемый объект). Говорящий категорически отрицает верность выбора номинации, то есть утверждает, что категоризация осуществлена неверно: *Пусть Зойка поживет у меня. Или у тебя. Нет, все-таки лучше у меня... – Это не выход! Мы должны... мы должны разобраться с Личутиным.* (Т. Тронина, guscoroga¹).

- *Разве это X* (= можно ли этот предмет так назвать, если он не соответствует норме). Говорящий высказывает сомнение в результате категоризации: *Он сидел на развалинах стены и раскуривал трубку. На свою снасть он даже и не смотрел. – Табак! – сказал он с осуждением, качая головой. – Разве это табак... Да и мокрый еще...* (Ю. Домбровский, guscoroga).

- *Это X, а не Y* (= Y не соответствует нормативным представлениям, а X соответствует). Говорящий не только с уверенностью отрицает предварительные результаты категоризации, но и предлагает адекватную, на его взгляд, замену: *Вот и с машиной с этой тоже. Или девушек его взять... Вы понимаете: ведь приличному юноше не с кем завести отношения. Разве это девушки? Проститутки, а не девушки.* – Нина Михайловна брезгливо сморщилась и настойчиво повторила: – *Прос-ти-тут-ки! Как одеваются!* (А. Волос, guscoroga).

- *Это X, а лучше (точнее) сказать, Y* (= объект в достаточной степени соответствует нормативным представлениям о классе, однако это не один член категории, а другой). Говорящий стремится максимально точно отразить в слове сущность объекта, при этом сравнительная степень наречия эксплицирует градуированность категории: *Нервный ты какой. – Нервный, подозрительный, а лучше сказать – суеверный* (Т. Моспан, guscoroga).

- *Не X, а скорее Y* (= свойства объекта соотносятся с нормативными представлениями о классе X, но большее сходство наблюдается между объектом и членами класса Y). Говорящий мягко (через предположение) предлагает изменить квалификацию объекта: *Перерезаны, что ли? – уточнил Гуров. – Не совсем так, – поправил Семин. – Не пе-*

---

¹ Здесь и далее помета guscoroga сопровождает материал, извлеченный из «Национального корпуса русского языка».

перезаны, а, скорее, перетерты... нет, перекушены – так вернее будет (Н. Леонов, А. Макеев, guscoroga).

Сравнение объекта с нормативными представлениями о категории, к которой он может принадлежать, влияют на то, каким образом будет вербализован итог сравнения, иначе, какая номинация будет выбрана. Выбор номинации подводит своеобразный итог категоризационного процесса. Высказывания, в которых эксплицирована метаречевая рефлексия говорящего по поводу выбора номинации, «высвечивают» процесс сопоставления воспринимаемого объекта и нормативных представлений о классе, к которому он причисляется, и оценку говорящим результатов этого сопоставления.

Нормативные представления составляют также пресуппозитивный компонент значения слова. В качестве показателя скрытой семантики нормы можно рассматривать сочетаемость лексемы и ее способность участвовать в определенных синтаксических конструкциях.

Утверждать наличие слившихся с лексическим значением нормативных представлений об объекте представляется возможным, если:

1) существительное может быть определено прилагательным *настоящий* в значениях «действительно такой, какой должен быть, представляющий собой лучший образец, идеал чего-нибудь» и «полностью подобный чему-нибудь, несомненный»: *Когда-нибудь я уйду далеко-далеко, а вернувшись, подарю тебе дом. Настоящий дом, с внутренним двориком, источником и садом, в котором можно будет посадить деревья и цветы* (В. Голованов, guscoroga);

2) существительное может фигурировать в качестве субъекта и предиката в предложениях, построенных по модели N_1 как N_1 со значением соответствия норме, обычному представлению: *С виду дом как дом – шесть этажей на пригорке. Солнечное место. Рядом – сквер и детская площадка. На лавочках чинно расположились юные мамы с колясками* (А. Невский, guscoroga).

Для проверки глаголов можно порекомендовать использовать производное от прилагательного *настоящий* наречие *по-настоящему* «должным образом, как надо», апеллирующее к императивной интерпретации нормы: *«Кажется, это попрек куском хлеба?» – спросила она. Я махнул рукой и ушел. Не то что объясниться, даже поспорить по-настоящему стало трудно* (Ю. Трифонов, guscoroga).

Таким образом, сочетаемость с прилагательным *настоящий* и наречием *по-настоящему* является своеобразным лакмусом, выявляющим скрытые в лексических значениях существительных и глаголов нормативные представления об объектах – предметах и действиях. Что касается прилагательных, то лингвисты неоднократно подчеркивали тот факт, что значение качественных прилагательных базируется

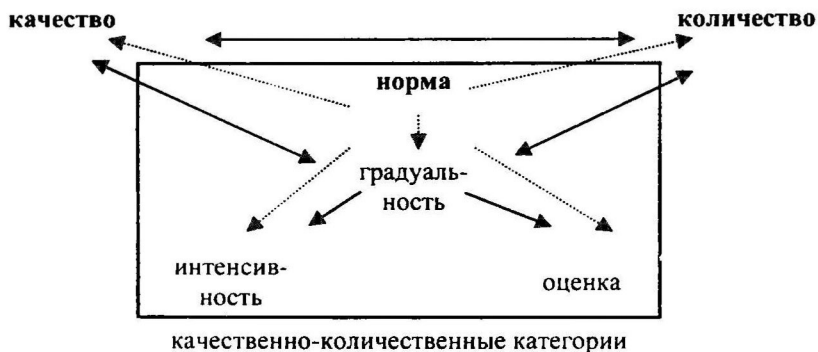
на представлениях о некоем эталоне: цвета (*красный* «цвета крови»); вкуса (*кислый* «обладающий своеобразным острым вкусом (например, вкусом лимона, уксуса)») и т. п. Прилагательные – как параметрические, так и оценочные – выражают результат сравнения признаков воспринимаемого объекта с существующими в сознании человека эталонами, нормами, точками отсчета. Сами эти эталоны входят в фоновые знания носителей языка и благодаря общности этих знаний составляют не требующий вербализации, но обязательный компонент содержания высказывания.

В главе III «**Норма как семантическая категория русского языка**» обосновывается правомерность выделения семантической категории нормы и рассматриваются разноуровневые средства выражения основных и частных значений, образующих категорию. Содержательную сторону семантической категории нормы составляют нормативные представления носителей русского языка.

Целесообразность рассмотрения нормы в аспекте категорий обусловлена: 1) с точки зрения эпистемологии – заложенной в категориальном подходе возможностью через анализ значений единиц языка и речи исследовать категории мышления с тем, чтобы проникнуть в философию языка, 2) с точки зрения логики и онтологии – глубинной генетической и логической связью этих явлений. В процессе категоризации мира человек обращается к стереотипам, эталонам, которые представляют собой обобщения, являющиеся отражением жизненного опыта человека и социума. По своей природе социальной и культурной меры эти стереотипы, эталоны, прототипы суть норма, а нормативные представления задают границы категории, так как и само наличие этих представлений, и их содержание является одним из условий категоризации.

Семантическая категория нормы обозначает количество, необходимое для сохранения качества. Как качественно-количественная категория она взаимодействует с другими категориями этого типа: градуальностью, интенсивностью и оценкой. При этом нормативные представления не только обобщаются в самостоятельную семантическую категорию, но и являются условием, необходимым для функционирования как базовых категорий качества и количества, так и производных от них категорий. Исследование нормативных представлений как условия формирования, организации других семантических категорий русского языка актуализирует идею регулятивного характера нормы. На уровне семантических категорий обнаруживается та же закономерность, которая была отмечена и на уровне категорий философских: норма и самостоятельная категория, значимо взаимодействующая с другими, и механизм регулирования последних. Схематич-

но соотношение категорий показано на рисунке (пунктирная линия обозначает направление регулирования, осуществляемое нормативными представлениями).

Норма среди онтологических категорий

Семантическая категория нормы организована по бинарному принципу на основе противопоставления значений «норма (соответствует норме) – не-норма (не соответствует норме)». Как семантическая категория норма составляет фрагмент мыслительного содержания, который реализуется в грамматических, а также в словообразовательных и лексических значениях. С учетом выявленных особенностей нормы, в частности ее качественно-количественного и субъективно-объективного характера, а также с учетом взаимодействия семантики градуальности, оценки, интенсивности, нормы представляется логичным и обоснованным включить в поле нормы следующие разноуровневые единицы (см. табл.).

Разноуровневые средства выражения семантики нормы

Значение соответствия норме	Значение несоответствия норме
<ul style="list-style-type: none"> качественные прилагательные и наречия в форме положительной степени, а также те прилагательные и наречия, которые способны иметь дериваты с размерным значением (типа <i>красный</i>, так как есть <i>красноватый</i>, <i>красноющий</i>) 	<ul style="list-style-type: none"> производные прилагательные и наречия с размерными аффиксами

Значение соответствия норме	Значение несоответствия норме
• глаголы с грамматически не выраженным способом глагольного действия	• глаголы, детерминированные по способу действия (например, <i>перекупаться</i> на фоне <i>купаться</i> – <i>искупаться</i>)
• существительные, имеющие дериваты с количественным значением (типа <i>дом</i> на фоне <i>домик</i> , <i>домище</i> , <i>домина</i>)	• производные существительные с размерными аффиксами
• однородные ряды с союзом <i>и</i>	• однородные ряды с союзом <i>но</i>
• утвердительные предложения определительной характеристики <i>Х есть Y</i>	• отрицательные предложения определительной характеристики <i>Х не есть Y</i>
• предложения с модальностью естественности (с модальным оператором типа <i>естественно</i> , <i>что</i>)	• предложения с модальностями неожиданности, странности, удивления и т. п. (с модальными операторами типа <i>странно</i> , <i>что</i>)
• предложения с квантором всеобщности	–

Единицы, включенные в поле, неоднократно становились объектом внимания лингвистов (Н. Д. Арутюнова, И. М. Богуславский, А. В. Бондарко, Е. М. Вольф, Л. Г. Ефанова, О. Йокояма, Ф. Леман, Т. А. Лобанова, Т. М. Николаева, А. Б. Пеньковский, В. З. Санников, Е. Н. Ширяев и др.), однако синтезирующее описание, интегрирующим принципом которого являлась бы семантика нормы, отсутствует.

Выделение двух семантических центров поля продиктовано спецификой соотношения нормы и аномалии. С одной стороны, они, несомненно, взаимообусловлены, с другой – выделить доминанту в этой паре представляется проблематичным. Так, норма логически первична (ненормально то, что не соответствует норме); показательны в этой связи толкования значений аффиксов: *недо-* – значение неполноты по сравнению с нормой, *-аст-* – значение превышения нормы и т. п. Это логическое доминирование отражается в направлении производности: от производящего со значением соответствия норме – к производному со значением аномалии. При этом формально «лидирует» значение не-

соответствия норме: именно оно эксплицитно и именно благодаря ему можно обнаружить противоположное значение: если есть *доми́на*, *доми́ще* – дериваты со значением чрезмерного по сравнению с нормой размера, значит, «от противного» можно предположить, что в производящем *дом* скрыта норма.

К *лексико-грамматическим средствам* выражения нормы относятся степени сравнения прилагательных и способы глагольного действия. В первом случае значение для исследования нормы имеет семантика положительной степени, так как она «обнаруживает проявление признака в типичной для данного круга объектов степени»¹ и базируется на значении «некоторой величины, принятой в обществе и в эпоху за среднюю норму меры качества»². Во втором случае важно, что в сфере глагольных значений семантика нормы пересекается с семантикой аспектуальности, которая реализуется в грамматической категории вида и лексической (лексико-семантической и лексико-словообразовательной) категории способов действия. В связи с последней категорией можно говорить о значительном перечне аффиксов, эксплицирующих скрытое в производящем глаголе значение нормы. В нормативные представления о действии входят представления о ходе его протекания, результате, интенсивности деятельности субъекта и т. п.

В качестве *лексико-словообразовательных средств* выражения нормы рассматривается ряд словообразовательных аффиксов, в том числе аффиксы субъективной оценки. Сема интенсивности, вносимая уменьшительными и увеличительными аффиксами, соотносится с семами параметрического характера, которым на экстралингвистическом уровне соответствуют реальные размерные признаки, воспринимаемые как отклонения от некоторой средней нормы. Эти отклонения выступают раздражителями эмоций, а взаимосвязь признака и эмоциональной оценки отражается и фиксируется в значении экспрессивной лексической единицы. В целом в подобных случаях производящее слово обозначает норму для некоторого признака, действия и т. п., а производное с аффиксом субъективной оценки – эмоционально воспринятое отклонение от нормы. Таким образом, можно говорить о том, что словообразование отражает особенности мировосприятия: норма является тем фоном, на котором осознаются отклонения, соответственно, слова, значения которых сводятся к норме, становятся базой для образования слов с семантикой ненормального (ПЩ «норма» → ПН «не-норма»).

---

¹ Чесноков, П. В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. Таганрог: Изд-во ТГПИ, 1992. С. 74.

² Пеньковский, А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 121.

Синтаксические средства выражения нормы. На уровне синтаксиса значение нормы актуально для конструкций с союзами *и, но* и некоторыми другими; модель N_1 как N_1 (*дом как дом*) служит обозначением соответствия норме; предложения характеристики устанавливают соотношение «объект – класс – норма»; используются и специальные модальные операторы, представляющие некоторые модальности (*естественно, что; как и следовало ожидать*) и др. Как и на лексическом уровне, мы имеем дело с различной степенью экспликации семантики нормы. Так, модальность естественности служит именно для выражения идеи нормы, в то время как предложения определительной характеристики выражают это значение опосредованно. Также различаются способы выражения основных частных значений «соответствует норме» / «не соответствует норме». В случае с союзами *и, но* можно говорить о существовании одноуровневых коррелятов, обладающих противоположными значениями, иными словами, формальное выражение имеют оба компонента бинарной оппозиции. Аналогично противопоставлены, например, модальности естественности и странности. Другую ситуацию представляют предложения с обстоятельствами и придаточными причины. Н. Д. Арутюнова отмечает, что посредством этих элементов обозначаются аномалии, а норма остается неназванной: *Я почему-то опоздала* (норма – прийти вовремя); *Я волновалась из-за своей прически* (норма – быть спокойным)¹ и т. п. Различной может быть и роль синтаксических и лексических компонентов предложения. Обстоятельство причины, например, независимо от его конкретного словесного выражения, обозначает некое несоответствие норме (семантика закреплена за синтаксической позицией). И наоборот, обнаружение семантики нормы в предложениях характеристики практически невозможно без обращения к их словесному наполнению. Таким образом, в сфере синтаксиса можно обнаружить как явное, так и скрытое присутствие значения нормы, различия в вербализации частных значений и проч.

Обращение к оппозиции *и – но* позволяет выявить одну из частных оппозиций значений, производную от базового противопоставления «норма – не-норма», – это оппозиция «ожидаемое – неожиданное»: норма ожидаема, а отклонения от нормы непредсказуемы. Также синтаксическими средствами выражения значений ожидаемого и неожиданного в русском языке являются высказывания, представляющие модальности естественности, предсказуемости, с одной стороны, и странности, удивления, непредсказуемости – с другой.

¹ Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 77.

Посредством предложений определительной характеристики говорящий указывает на соотношение «реальный признак реального предмета – нормативные представления о соответствующем признаке – нормативные признаки класса, к которому принадлежит предмет». Результат характеризующей деятельности, вербализованный в предложениях этого типа, имеет своей предпосылкой установление соответствия объекта норме, стандарту, эталону. Несоответствие норме для выбранного первоначально признака или класса инициирует на ментальном уровне поиски нового признака или класса, на словесном – отказ от старой и выбор новой номинации. Установленное соответствие норме обосновывает выбранное словообозначение. Прилагательные, дополняющие схему $N_1 \text{ сор } N_1$, обозначают меру и качество соответствия норме: полное, заслуживающее одобрения или неполное, в том числе такое, которое угрожает выведением из класса и сменой характеристики. В целом предложения определительной характеристики, идеально приспособленные для выражения оценки, одновременно являются и одним из способов реализации семантики нормы.

В связи с реализацией нормативных представлений правомерно рассмотреть также предложения с квантором всеобщности, эксплицированным (*Все дети любят мороженое*) или имплицитным (*Дети любят мороженое*). Обобщение, эксплицированное предложением с квантором всеобщности, соотносится с теми представлениями о норме для некоего класса, которыми обладает носитель языка. В этой связи высказывания с квантором всеобщности – это высказывания о том, что нормально для данного класса.

Итак, нормативные представления регулярно, разнообразно и последовательно реализуются в языковых значениях – от словообразовательных и лексических до морфологических и синтаксических, что позволяет рассмотреть норму как семантическую категорию. Семантика нормы во всем многообразии значений, средств выражения, оценок и ассоциаций составляет существенный пласт языкового содержания, системно-категориальный аспект которого воплощен в семантической категории нормы.

Обыденные представления носителей русского языка о норме и антинорме реализуются в значениях:

– фрагмента градуируемого и оцениваемого семантического пространства признака: так, качественно-количественная норма, обозначаемая формой положительной степени прилагательного или наречия, организует вокруг себя семантическое пространство непроецессуального признака; некоторые способы глагольного действия (усилительный, смягчительный и т. п.) реализуют представление о норме как

о необходимом количестве; дериваты с суффиксами субъективной оценки указывают на степень удаленности от нормы;

– оценки ситуации с точки зрения способа и характера протекания действия: ряд СГД (завершительный, интенсивный и др.) репрезентируют норму как заведенный порядок действий, предсказуемо заканчивающихся; предложения с субъективными модальностями номинируют соответствие/несоответствие ситуации ожиданиям;

– соединения и противопоставления: союзы *и* – *но* демонстрируют противоборство нормы как ожидаемого, естественного, гармоничного и аномалии как неожиданного, нетипичного, дисгармоничного;

– классификации: норма как результат характеризующей деятельности представлена в предложениях определительной характеристики;

– типизации: норма, осмысленная в результате обобщения явлений окружающего мира, репрезентируется в предложениях с квантором всеобщности.

Для формального аспекта категории нормы характерно наличие специализированных средств выражения, сочетание эксплицитного и имплицитного выражения, формальное отражение оппозиции значений.

Функциональная характеристика исследуемой категории обусловлена значением нормативных представлений для процесса познания мира, идентификации и характеристики его объектов. Норма, выступающая как мерило, эталон, точка отсчета, и отклонения от нее составляют два основных элемента восприятия: фон и фигуры. Норма – фон, на котором видно все выделяющееся, непривычное, необычное, яркое и т. п.

Глава IV «Норма как явление русской лингвокультуры» содержит описание культурно-значимого и культурно-специфического аспектов нормы.

Термин *культурно-значимый* употребляется в работе применительно к таким проявлениям социальных и когнитивных языковых норм, которые задают координаты национальной культуры, определяют ее структурные особенности, особенности функционирования и вектор развития. Таковы нормы общения, составляющие *речевой этикет*: эти социальные нормы, в полной мере реализующие все функции норм, предлагают представителям национальной культуры своеобразные программы действий в типизированных ситуациях общения. *Речевые жанры*, набрасывающие на хаос коммуникативных ситуаций некую упорядочивающую сеть, также составляют структурные особенности национальной культуры, формируют ее лицо. И речевой этикет, и жанры яв-

ляются, на наш взгляд, яркими иллюстрациями норм, программирующих деятельность человека – представителя лингвокультуры. Несомненно иное, но не меньшее значение имеют для лингвокультуры эксперименты с языком – различного рода преобразования единиц языка, которые традиционно обозначаются терминами *тропы*, *фигуры*, *стилистические приемы*. Если речевой этикет и жанры регулируют соблюдение нормы, то тропы, фигуры и приемы указывают пути отступления от нормы. Если учесть, что такие девиации являются универсальными (распространенными в разных языках) и стереотипными (осуществляемыми по ограниченному количеству моделей), то можно назвать тропы, фигуры и приемы нормативными отклонениями от нормы. Представитель лингвокультуры, социализируясь, получает таким образом не только программы нормативного поведения, но и программы девиаций. В этом неразрывном единстве нормы и аномалии, как уже отмечалось ранее, коренится гибкая стабильность языка как материи культуры.

Культурно-специфическими являются представления о норме, характерные для русской лингвокультуры, составляющие ее национальную специфику. Своеобразное воплощение представлений о норме в русском языке исследуется через обращение к понятиям *языковой картины мира* и *образа языковой картины мира*. На основании того факта, что любое явление, попавшее в мир человека, может быть осмыслено в аспекте нормы, но приоритетным объектом любой оценки является сам человек, для исследования привлекается характерный для русской языковой картины мира образ нормального человека.

Образ нормального человека может быть представлен, по-видимому, как *родовой* – включающий несколько частных образов, и *видовой*.

Нормальный человек как родовой образ русской языковой картины мира. К представлениям о норме восходит несколько частных систем взглядов, а именно:

- *Стабильная картина мира*, представляющая образ стереотипного мира и имеющая базовую установку на благоприятную привычность. Любые отклонения маркируются как нарушения миропорядка, исключения по возможности игнорируются. В целом стабильная картина мира позитивна: образ мира, лежащий в ее основе, представляется известным, привычным и поэтому приятным¹.

- *Статистическая картина мира*, формирующаяся как результат научной и наивной статистики и представляющая своеобразный

---

¹ Сукаленко, Н. И. Образно-стереотипная картина мира как отражение эмпирического обыденного сознания: дис. д-ра филол. наук. Харьков, 1991.

мезокосм, за пределами которого находятся особо малые, особо большие и особо сложные системы.

- *Правовая картина мира*, формирующая правовое (юридическое) мировидение. Право как совокупность писаных и неписаных законов объединяет идеализированные представления о высшей справедливости и абсолютном законе и практику воплощения абстрактных принципов в социальную повседневность¹.

- *Идеализированная картина мира*, представляющая идеальный, эталонный мир, который включает все, что человек считает добром. Это своего рода «облагороженная» картина мира, из которой удалено необратимое зло: преступления, неизлечимые болезни, смерть².

Эти картины мира связаны между собой феноменом нормы. Стабильная картина мира опирается на норму-традицию: «как всегда бывает» и «как должно быть». Статистическая картина мира оперирует нормой-серединой: «как обычно, чаще всего». Правовая картина мира предъявляет своему субъекту нормы-предписания: «как следует». Наконец, идеализированная картина мира основывается на нормах-эталонах: «как должно быть в идеале». Особенности нормы объясняется общий для этих картин мира оценочный фон: позитивные оценки закреплены за случаями соответствия норме, несоответствия особым образом отмечаются и в большем числе случаев негативно оцениваются.

Логическим следствием признания того факта, что к норме восходит несколько систем взглядов, различным образом отражающих мир и человека, является предположение, что формула «нормальный человек» может быть истолкована в соответствии с представлениями каждой из этих систем. Иначе говоря, в формуле «нормальный человек» определение *нормальный* может соответствовать определениям *обычный*, *типичный* (стабильная картина мира), *средний* (статистическая картина мира), *идеальный* (идеализированная картина мира), *законопослушный* (правовая картина мира). Как следствие, языковой образ «нормальный человек» можно представить сочетающим образы обычного, типичного, среднего, идеального, законопослушного человека. Последние могут быть рассмотрены как частные разновидности языкового образа человека нормального. Феномен нормы выступает в таком случае и объединяющим, и дифференцирующим фактором.

Фигура *обычного/обыкновенного человека* имеет для обыденной картины мира, во-первых, культурологическое значение, так как явля-

---

¹ Софронов-Антони, В. «Правовое бессознательное»: русская правовая картина мира // Логос. 2002. № 1. С. 4–15.

² Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 179–183.

ется (или может являться) одним из ключевых образов культуры. Во-вторых, образ «обычный человек» относится к числу значимых для всей системы взглядов, так как выступает своеобразным эталоном, на фоне которого видны отклонения. Обычный человек – воплощение предсказуемости, обычность обеспечивает неудивительное развитие ситуации (это верно даже для тех случаев, когда обычными являются преступники, мерзавцы: знаешь, чего от них ожидать). Необычный человек, напротив, преподносит сюрпризы. В оппозиции обычного и необычного человека реализуется глубинная оппозиция хаоса и порядка, системы и несистемного, массового и единичного, нормы и не-нормы.

Образ *среднего человека* задан представлениями о норме как о среднем, устоявшемся, не выделяющемся из массы¹. В отличие от образа «обычный человек», образ «средний человек» должен быть осмыслен через обращение к научной и наивной статистике. На передний план в данном случае выходит не отсутствие крайностей, а их нейтрализация в неких средних величинах. Внимание человека к исключительным событиям приводит к тому, что в лексической системе языка единицы, называющие середину, в количественном отношении существенно уступают единицам, называющим полярные проявления. Между тем семантика крайностей опосредованно базируется именно на констатации нормы. Следовательно, и для представлений о середине, в том числе о среднем человеке, характерна функция семантического регулятора.

Образ *типичного человека* находится на стыке статистической и стабильной картин мира. С одной стороны, тип охватывает свойства, характерные для большинства представителей той или иной группы. В этом смысле наивная типология – часть наивной статистики, оперирующей представлениями о том, что присуще большинству. С другой стороны, существование типичного делает жизнь предсказуемой: присущее большинству обеспечивает результативность заданного хода вещей. В таком случае типы – часть стабильной картины мира, этот ход вещей фиксирующей. Сфокусированный на социальных характеристиках образ типичного человека как ипостась образа человека нормального обладает общим свойством – аккумулировать представления о соответствии норме для некоего класса (типа). Последнее обстоятельство существенно отличает образы обычного человека – человека «как все» – и типичного – человека «как все представители типа». Определяющим свойством типичного является сочетание массовости и предсказуемости.

---

¹ Братусь, Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. С. 7.

Образ *идеальный человек*, аккумулирующий представления о хорошем, которые характерны для национально-культурной общности в целом или для отдельных ее представителей, – один из важнейших фрагментов идеализированной картины мира. Этот образ является средоточием ценностных и функциональных оценок, при этом соответствие идеалу в обыденной картине мира практически становится требованием. Оппозиция «идеальный – обычный» – очередная реализация дуальной модели мира, при этом оба полюса этой оппозиции представлены нормативными значениями: аксиологической нормой-идеалом и статистической нормой-типом.

Представления о *законопослушном человеке* соотносятся с правовой картиной мира, которая в меньшей степени зависит от языка, чем все предыдущие. В рамках правовой картины мира нормальный человек – человек, соблюдающий нормы социума, слушающий закон.

Нормальный человек как видовой образ русской языковой картины мира.

Лингвистический опрос, в ходе которого 128 участникам (студентам и сотрудникам ОмГПУ в возрасте от 18 до 65 лет) предлагалось дать описание нормального человека, показал высокую стереотипность представлений носителей русского языка.

Из полученных описаний 30 % реакций соотносится с первым значением слова *нормальный*: нормальный человек – «соответствующий нормам, меркам, соблюдающий правила», «находящийся в рамках приличного, дозволенного». Вторая по частотности реакция – «адекватный по поведению, по реакциям» (22 %). В таком понимании подчеркивается умение нормального человека реагировать на происходящее вокруг, корректировать поведение с учетом обстоятельств. 16 % реакций соотносится со вторым значением слова *нормальный* – «психически здоровый». Статистическая интерпретация нормы обнаружилась в таких дефинициях: нормальный человек – «не отличающийся от большинства, обычный, стандартный»; таких реакций 8 %. Кроме того, по данным эксперимента нормальный человек рисуется в целом хорошим, а именно: воспитанным (8 %), хорошим, без ярких отрицательных качеств (5 %), спокойным, уравновешенным, сдержанным (5 %), одобряемым обществом, умеющим общаться (3 %), имеющим свое мнение, свою картину мира (3 %).

Итак, судя по результатам эксперимента, нормальный человек – это человек, живущий по правилам, поступающий адекватно ситуации, психически и физически здоровый, положительный, предсказуемый.

В свободных высказываниях русской речи обнаруживаются конструкции со словосочетанием *нормальный человек*, представляющие грамматикализованные интерпретации образа.

Субъектная интерпретация представлена начальной формой словосочетания, входящей в качестве тематического компонента в семантико-синтаксические модели «нормальный человек делает» (*Всякий нормальный человек реагировал однозначно* (Д. Донцова, ruscorgora)) и «нормальный человек каков» (*Нормальный человек – это умный человек* (из жур.)). В целом нормальный человек предстает реальным или возможным субъектом широкого круга действий, обнаруживающих особенности его личности.

В модели «для нормального человека что каково» переплетаются субъектные (человек – субъект оценки) и объектные (человек – объект оценки) значения. Высказывания, включающие эту модель, представляя оценочно-параметрическую интерпретацию нормального человека: явления, вовлекаемые в мир человека, оцениваются как хорошие/плохие для него, соразмерные/несоразмерные ему. *Для нормального человека на острове сложно все – сложно не мыться, не есть* (из жур., ruscorgora).

Характеризующая интерпретация представлена моделями «Х – нормальный человек»: *Либо ты собака, сволочь, либо – нормальный человек* (П. Меньших, ruscorgora). Предикат имеет понятийную референцию, благодаря которой устанавливается соотношение между характеризуемым объектом (синтаксическим субъектом) и классом нормальных людей, мыслимых в аспекте их внутренних качеств.

Превратительная интерпретация «из нормального человека» / «в нормального человека» рисует нормального человека начальным или конечным этапом метаморфозы: *Из трудоголика, субъекта, которому работа заменяла наркотик, он превращался постепенно в нормального человека* (Э. Рязанов, ruscorgora).

Модель «делать нормального человека» через значение входящего в нее переходного глагола представляет возможные действия, для которых нормальный человек – объект. Большинство глаголов в рассматриваемой модели называют действия, направленные на человека в аспекте его моральных, интеллектуальных, эмоциональных качеств: *Нормального человека трудно убедить, что эти люди любят что-нибудь, кого-нибудь* (А. Найман, ruscorgora).

Пространственная интерпретация репрезентирована в моделях «в нормальном человеке», «в нормального человека», которые представляют нормального человека вместилищем неких объектов: *Жажда красоты живет в нормальном человеке, увлекая его в мир прекрасного* (Н. Шпанов, ruscorgora).

Пространственные смыслы пересекаются со смыслами обладания; взаимодействие интерпретаций реализовано в модели «у нор-

мального человека». В таком случае очерчивается мир человека (внешний или внутренний), в котором нечто существует, появляется, исчезает, активно действует и проч. Сферой бытования/действия, как правило, становится не внешний мир нормального человека, а он сам как физическая и психическая личность: *У каждого нормального человека есть понятие о святости, здоровое чувство неприкосновенности сакральных символов* (Я. Амелина, гуссогорога).

Выявленные модели представляют различные грамматикализованные интерпретации нормального человека. Во всех случаях в фокусе внимания – нормальный человек в аспекте его внутренних качеств, нормальный человек, понимаемый не физиологически, но психологически.

Итак, содержание представлений о норме имеет национально-культурную специфику. Образ нормального человека в русской языковой картине мира может быть представлен как видовой и родовой. В первом случае комплекс национально-культурных ассоциаций, приобретаая языковые репрезентации, отражает представления о внутреннем нормальном человеке. Во втором – важно взаимодействие между ипостасями обычного, среднего, типичного и т. п. человека, образующими в комплексе обобщающий образ «нормальный человек». Ипостаси образа нормального человека специфически отражают дуальную модель мира, в соответствии с которой наибольшее значение имеют полярные проявления признака. Норма и аномалия, нормальный и аномальный человек образуют поля семантического пространства, противопоставленные и по значениям, и по оценкам. Важно то, что все эти образы обладают внутренней динамикой, закрепленными ассоциативно-оценочными смыслами.

В **заключении** подводятся общие итоги проведенного исследования. Его основной результат состоит в том, что разработана многоаспектная семантическая концепция нормы, раскрывающая функциональный, категориальный и лингвокультурологический аспекты последней. Рассмотрение нормы как многомерного феномена в различных научных парадигмах позволило уточнить его междисциплинарное содержание. Сравнительное описание социальных и когнитивных языковых норм выявило общие закономерности их функционирования.

Исходные понятия исследования – *онтологическая категория нормы, семантическая категория нормы, представления о норме, нормативные представления, когнитивные языковые нормы* – были уточнены и образовали понятийный ряд.

Нормативные представления определены как сформировавшиеся в результате познавательных контактов с действительностью обыденные (наивные) представления о норме для различных классов объектов. Рассмотренные в функциональном аспекте нормативные представления составляют *когнитивные языковые нормы*, соответствие которым является залогом успешной категоризации окружающей действительности.

Предельное обобщение нормативных представлений лежит в основе *онтологической и семантической категории нормы* (для последней нормативные представления составляют содержательный компонент категории). Языковая единица, вовлеченная в поле категории нормы, так или иначе обозначает совпадение/несовпадение признаков воспринимаемых объектов с нормативными представлениями, существующими в сознании носителей русского языка.

Отношение членов семантической оппозиции, формирующей семантическую категорию нормы, отражает общие закономерности взаимодействия нормы и аномалии, выявленные в теории систем, социологических и культурологических исследованиях: нераздельность противоположностей, соотношение «норма – аномалия = фон – фигура», взаимодействие для поддержания динамики системы.

Норма является культурно-значимым и культурно-специфическим явлением лингвокультуры. Основная функция – регулятивная – делает норму для культуры вообще и для лингвокультуры в частности – неким каноном, с опорой на который осуществляется деятельность человека, а нормативные представления – важная часть картины мира социума.

Основные характеристики исследуемого феномена были описаны по принципу антиномий.

- Норма и сотворена человеком, и в то же время творит человека.
- Норма одновременно и продукт разума, и элемент бессознательного.
- Норма как категория является вторичной, так как базируется на многих других, но при этом для этих других имеет определяющий характер.
- Норма одновременно является механизмом организации различных категорий и объектом, включаемым в ту или иную категорию.
- Норма может как одобряться, так и порицаться.
- Норма универсальна и национально-специфична.
- Норма одновременно упрощает, обобщает мир и усложняет, дифференцирует его.

– Для человека, живущего в мире норм, она является и стандартизирующим элементом, и отправной точкой для возможных изменений.

Работа может быть продолжена в сравнительных исследованиях, причем возможные объекты сравнения многообразны: языковые картины мира различных народов, когнитивные нормы отдельных групп внутри социума, категории, смежные с категорией нормы, и др. Кроме того, плодотворным может быть продолжение междисциплинарной линии исследования, которая позволит соотнести норму с другими реалиями культуры и философскими категориями, дать историко-культурное описание нормы и нормативное описание эпохи.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

***Рецензированные монографии
и коллективная рецензированная монография:***

1. *Федяева, Н. Д.* Наивные представления носителей русского языка о норме и антинорме в эксплицитной и имплицитной семантике языка и речи: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. 104 с. (6,5 п. л.)

2. *Федяева, Н. Д.* Нормы в пространстве языка: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. 181 с. (11,3 п. л.)

3. Языковой образ человека в аспекте категории нормы // Человек как субъект и объект мировосприятия: фрагменты языкового образа человека: монография / Т. С. Борейко, Е. В. Гейко, Н. Д. Федяева и др.; под ред. Н. Д. Федяевой. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 91–127. (2,25 п. л.)

***Научные статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях,
рекомендованных Высшей аттестационной комиссией:***

4. *Федяева, Н. Д.* Норма в динамике (на материале глаголов с семантикой соответствия/несоответствия норме) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2008. № 13. С. 261–267. (0,9 п. л.)

5. *Федяева, Н. Д.* Значение «норма» в семантике лексических единиц русского языка // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 5 (12). С. 58–62. (0,6 п. л.)

6. *Федяева, Н. Д.* Значение слова *нормальный*: лексикография и эксперимент // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 4. С. 112–116. (0,6 п. л.)

7. Федяева, Н. Д. Высказывания со словами *норма*, *нормальный* как источник информации о нормативных представлениях носителей русского языка // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2. С. 53–57. (0,6 п. л.)

8. Федяева, Н. Д. Семантика нормы в предложениях характеристики // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 4 (55). С. 165–170. (0,75 п. л.)

9. Федяева, Н. Д. Лексемы русского языка в аспекте семантической категории «норма» // Филология и человек. 2009. № 4. С. 81–92. (0,75 п. л.)

10. Федяева, Н. Д. Норма vs. Не-норма = Ожидаемое vs. Неожиданное // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 136–143. (0,5 п. л.)

11. Федяева, Н. Д. Норма в кругу семантических категорий русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия «Языкознание». 2009. № 2 (10). С. 240–246. (0,9 п. л.)

12. Федяева, Н. Д. Качественные прилагательные в аспекте семантической категории нормы // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 29. № 5. С. 129–134. (0,75 п. л.)

13. Федяева, Н. Д. Значение лексемы *норма*: лексикография и эксперимент // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия «Филология». 2009. № 2 (26). С. 161–168. (0,5 п. л.)

Научные статьи, представленные в сборниках научных трудов и материалов конференций:

14. Федяева, Н. Д. Представления об усредненной и нормативной степени проявления признака в ментальности и языке // Гуманитарные исследования: ежегодник. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. Вып. 7. С. 176–182. (0,8 п. л.)

15. Федяева, Н. Д. Когнитивные категории дуальности и градуальности в философском и лингвоантропологическом освещении // Гуманитарные исследования: ежегодник. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2003. Вып. 8. С. 237–243. (0,8 п. л.)

16. Федяева, Н. Д. Лексика середины в молодежном сленге (на материале «Большого словаря молодежного жаргона» С. И. Левиковой) // Язык и коммуникация: научный альманах. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. Вып. 1. С. 55–61. (0,4 п. л.)

17. Федяева, Н. Д. Мерность бытия в русской языковой картине мира // Омский научный вестник. 2006. № 6(42). С. 62–65. (0,5 п. л.)

18. Федяева, Н. Д. Семантическая категория нормы в контексте философских категорий (на материале русских качественных прилагательных) // Реальность. Человек. Культура: универсалии научного знания: материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 20–21 декабря 2007 г. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. С. 95–98. (0,25 п. л.)

19. Федяева, Н. Д. Противопоставление «обычный человек – выдающийся человек» в культурной и номинативной традиции // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 3: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. С. 239–240. (0,25 п. л.)

20. Федяева, Н. Д. Норма: категориальный и языковой статус // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: материалы IV Международных Березинских чтений. М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2008. Вып. 14. С. 259–265. (0,4 п. л.)

21. Федяева, Н. Д. Недостижение нормы (на материале производных глаголов с префиксом *недо-*) // Язык. Человек. Ментальность. Культура: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 14–16 декабря 2007 г.: в 2 ч. Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского: «Вариант-Омск», 2008. Ч. 1. С. 103–108. (0,4 п. л.)

22. Федяева, Н. Д. Норма-гармония в русской языковой картине мира (на примере аксиологических моделей с сочинительными союзами) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV Междунар. науч. конф., 25–26 апр. 2008 г., Челябинск: в 2 т. Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008. Т. 2. С. 356–359. (0,5 п. л.)

23. Федяева, Н. Д. Нормативный компонент образа человека в русской языковой картине мира (на примере производных имен прилагательных со значением превышения нормы) // Экология русского языка: материалы I Всероссийской научной конференции. Пенза: Изд-во Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, 2008. С. 136–142. (0,4 п. л.)

24. Федяева, Н. Д. О применимости к человеку традиционных классификаций норм: свидетельства русского языка // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: в 3 ч. Ч. 3. С. 223–226. (0,5 п. л.)

25. Федяева, Н. Д. Семантика нормы и количества: линии взаимодействия (на материале слов со значением «много» и «множество») //

Письменная культура народов России: материалы Всероссийской научной конференции 19–21 ноября 2008. Омск: Омский гос. ун-т, 2008. С. 71–74. (0,25 п. л.)

26. *Федяева, Н. Д.* Добро как норма в русской языковой картине мира // Русская филология: язык – литература – культура: материалы научно-практической конференции. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 103–108. (0,4 п. л.)

27. *Федяева, Н. Д.* Норма: очерк полиоценочности // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: в 2 ч. Ч. 1. С. 219–220. (0,25 п. л.)

28. *Федяева, Н. Д.* Типичные характеристики нормального человека: описание образа человека по данным лингвистического эксперимента // Языки и культуры: материалы XII региональной науч.-практ. конф. «Славянские чтения» 5 июня 2008 года. Омск: Омский гос. ун-т, 2009. С. 18–22. (0,3 п. л.)

29. *Федяева, Н. Д.* Фоновые знания нормы // Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире: материалы Международной науч.-практ. конф. Омск, 18–19 ноября 2009 года. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. 275–279. (0,3 п. л.)

30. *Федяева, Н. Д.* Семантика нормы в значениях существительных и прилагательных русского языка // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: материалы II Международной науч. конф.: в 2 ч. Курск, 2009. Ч. 1. С. 108–111. (0,25 п. л.)

31. *Федяева, Н. Д.* Норма среди категорий русского языка: обособление статуса // Лингвистика. Коммуникация. Культура: материалы II региональной науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. С. 97–100. (0,25 п. л.)

32. *Федяева, Н. Д.* О частичной вербализации представлений носителей русского языка о норме и отклонениях // Русский язык в современном мире: материалы заочной Всероссийской науч.-практ. конф. Биробиджан: ГОУ ВПО «ДВГСПА», 2009. С. 121–125. (0,3 п. л.)

33. *Федяева, Н. Д.* Языковая норма как социокультурный параметр порядка языковой системы и речевого поведения // Гуманитарная картина мира в системе современного знания: сборник тезисов I Международной научной интернет-конференции. Караганда: Центр гуманитарных исследований, 2009. С. 127–130. (0,25 п. л.)

34. *Федяева, Н. Д.* Как дела? – Нормально: особенности ответной реплики // Славянские чтения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием, 10–11 июня 2009 года / под ред. Т. П. Рогожниковой. Вып. 13. Языки и культуры. Омск: Вариант-Омск, 2009. С. 256–259. (0,25 п. л.)

35. *Федяева, Н. Д.* Социальные и когнитивные языковые нормы: разрешение терминологического конфликта // Русская филология: язык – литература – культура: материалы науч.-практ. конф. Омск, 30 марта 2010 г. / отв. ред Е. А. Глотова. Омск: Изд-во ОмГПУ. 2010. С. 157–160. (0,25 п. л.)

36. *Федяева, Н. Д.* Грамматикализованные интерпретации нормального человека в русской языковой картине мира // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: материалы IV Международной науч.-практ. конф.: в 2 ч. Барнаул: АлтГПА. 2010. Ч. 2. С. 244–250. (0,4 п. л.)

Подписано в печать 06.10.2010. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 2,37. Уч.-изд. л. 2,5.

Тираж 100 экз. Заказ П-611.

Издательство ОмГПУ.

Отпечатано в типографии ОмГПУ.

Омск, наб. Тулачевского, 14, тел./факс (3812) 23-57-93

Q2